

Historické vědy

УДК 930.2

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАДИГМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

С. В. Ямщиков

*Кандидат исторических наук, доцент,
Международный университет природы,
общества и человека «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия*

RUSSIAN SOCIETY FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY THROUGH THE PRISM OF SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF DETERMINISM

S. V. Yamshchikov

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
International University of nature,
society and man «Dubna»,
Dubna, Moscow region, Russia*

Summary. In the first quarter of the XX century Russian society, making a choice, is experiencing a crisis phase of its development. The culmination of this crisis were the revolution of 1917 and the subsequent civil war. The main reason the national schism was the inability of the social system to overcome the crisis caused by the attempt to transform its civilizational foundations, to change the paradigm of development.

Keywords: Russian society; Russia; the crisis; the first quarter of the XX century; civilization; modernization; world war I; the 1917 revolution; the civil war; traditionalism.

В конце XX – начале XXI века Россия в очередной раз в своей истории находится в точке бифуркации, совершая цивилизационный выбор. В переломные моменты общественного развития вполне закономерно и естественно стремление исследователей обратиться к историческому опыту, найти в прошлом ответы на насущные вопросы сегодняшнего дня. В своё время великий русский

философ Н. А. Бердяев утверждал, что «в нашу эпоху нет более острой темы и для познания и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации. Это – тема об ожидающей нас судьбе» [2, с. 162].

В прошлом российскому обществу неоднократно приходилось решать проблему цивилизационного выбора. Вся история России проходит в борьбе между западничеством и её самобытностью.

Это обусловлено геополитической спецификой нашей страны, территория которой простирается между двумя великими мирами: между Востоком и Западом. Поэтому российское общество сочетает в себе особенности двух великих цивилизаций: западной (либеральной) и восточной (традиционной). Русский народ создал свою самобытную цивилизацию, объединяющую в себе исторический опыт Востока и Запада.

Цивилизация базируется на определённой системе культурно-нравственных традиций, которая обуславливает парадигму её развития. Исторически русская цивилизация сформировалась как крестьянская по своей социальной структуре и социокультурным основаниям. Патриархально-общинные традиции были тем культурным фундаментом, на котором стояло традиционное российское общество, развивающееся на идеях православия, самодержавия, народности.

Капиталистическая модернизация второй половины XIX – начала XX века изнутри взорвала патриархально-общинный уклад деревенской жизни. В условиях господства авторитарно-патриархальной крестьянской культуры любое ослабление или деформация государственных структур создавало реальную угрозу распада социума. В политической системе России начала XX века не оказалось такого социального института, который бы в процессе модернизации традиционного общества при возможных социально-политических издержках и трудностях смог бы защитить всю общественную систему от энтропийных процессов. Монархические институты, являвшиеся прочной политической скрепой российской государственности на протяжении всей её истории, постепенно утрачивали массовую социальную поддержку. «Ходынка», русско-японская война, «кровавое воскресенье», революционные события 1905–1907 годов оставили глубокий антимоноархический след в сознании

русского народа. Уже тогда консерватизм народа, его приверженность традиционным социально-политическим институтам российского общества оказались поколебленными.

Революционный взрыв 1905–1907 годов, явившийся серьёзным симптомом гражданской войны, показал, что крестьянская поземельная община, традиционная социальная опора государственного самодержавного строя, превратилась в рассадник антигосударственных, антимоноархических настроений. Аграрная реформа П. А. Столыпина, направленная на разрушение крестьянской общины и образование среднего слоя собственников, которые составили бы социальную базу капиталистической модернизации, привела к усилению социально-классовой напряжённости в обществе. Имущественное расслоение русской деревни сопровождалось новыми социальными взрывами. Так, с 1907 по 1914 год по России было зарегистрировано 6 828 поджогов хуторских хозяйств [3, с. 97].

Психология гражданской войны постепенно проникала в плоть и кровь русского народа. Гражданская война начала полыхать в душе народа с разрушением патриархально-общинных традиций, того культурного фундамента, на котором стояло российское общество. Социально однородная и информационно неразвитая общинная среда, синкретизм сознания крестьянина-общинника, отсутствие широкого социального опыта формировало у него склонности к единообразию и упорядоченности жизни и мышления. Последующие встречи с реальным многообразием и сложностью социума вызывали у таких людей реакцию шока с разнообразными психологическими и психическими последствиями. Со всей очевидностью это проявилось в годы первой мировой войны.

Первая мировая война усугубила издержки болезненного процесса

капиталистической модернизации российского общества. Война, кардинально изменившая социальную структуру российского общества, породила мировоззренческий хаос и нравственную опустошённость нации: рушились устоявшиеся представления о правовом порядке и социальных нормах, окончательно была девальвирована русская православная монархическо-патриотическая национальная идея. «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои.... В 1917 году народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен», – характеризовал российскую действительность той эпохи Г. П. Федотов [5, с. 98–99].

Российское общество, лишённое духовно-нравственных оснований и моральных принципов, начало атомизироваться, деструктурироваться. Прежде всего не выдержала психика человека, произошёл раскол личности, расщепление её духовной составляющей. Перед человеком, вырванным сложившимися обстоятельствами из обычной для него социокультурной среды, «открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт.... Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы ..., – всё это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом» [7, с. 29–30]. В среде смятённых, дезориентированных, часто озлобленных людей возникла реальная угроза «войны всех против всех».

Духовно-нравственный распад общества привёл к углублению кризиса государственной власти, в том числе её главного института – армии. Из силовой основы государственности русская армия превратилась в орудие её тоталь-

ного раскола. Уже к 1917 году она дала обществу огромное количество маргиналов, людей с дефицитом гражданственности, патриотизма, отсутствием общечеловеческих моральных принципов, склонных к насилиям и жестокостям. «Человек с ружьём» привносил в общество культуру конфронтации и жёсткой борьбы. Его психология стала важнейшей составляющей массового сознания эпохи революционных потрясений 1917 года. Эпидемия насилия в обществе заменила общечеловеческие ценности суррогатом «классового подхода», породила социальный слой «комбатантов», людей сделавших войну своей профессией.

Февральская революция 1917 года разрушила самодержавное государство и демократизировала российское общество. Однако в феврале 1917 года демократия в России, на некоторое время, победила только политически. Социально-психологически русский народ оказался не готов принять общецивилизационные демократические ценности, институты и процедуры. Традиционно русский человек был отчуждён от собственности и власти, он находился под тотальным контролем со стороны монархического государства. В годы капиталистической модернизации, первой мировой войны и революций социально-политическая отчуждённость народа стала более очевидной. В лице многомиллионного слоя маргиналов, людей без собственности, озлобленных, агрессивных, молодые демократические силы, оказавшиеся у власти в феврале 1917 года, получили сильного социального противника. Маргинальные слои численно превосходили российский средний класс, людей, имеющих собственность и занимающих свою социальную нишу.

В России 1917 года в большей степени изменилось общественное бытие, чем общественное сознание. Консервативная социальная психология оказалась

серьёзным препятствием демократическим преобразованиям. Социальные катаклизмы – модернизация, война, революция – разрушили традиционную систему ценностей российского общества, но не «архетипы коллективного бессознательного» [6, с. 95–128].

Демократическая политика пост-февральского периода противоречила генетически унаследованным образцам поведения, мышления, восприятия и воображения, характерным для русского национального характера. Когда первый порыв революционного энтузиазма и демократические иллюзии февральско-мартовских дней 1917 года сменились политической апатией и недоверием народа к демократическим деятелям и институтам, произошло вторжение архетипических образов в сознание людей в самых примитивных формах и началось «бегство от свободы».

Результатом перехода к оперированию традиционным, стереотипным знанием и социальным опытом было, по терминологии А. С. Ахиезера, массовое усиление инверсии в ущерб медиации [1, с. 79]. Инверсия проявилась в форме социального протеста против демократической власти, что привело российское общество к энтропии. «Свобода, если она внезапно предоставляется народу, не подготовленному самовоспитанием, может не только привести к оклократии и в конечном итоге к тирании, но и прежде всего, способствовать переходу власти в руки случайно возникшей клики» [цит. по: 4, с. 16]. Это заключение К. Ясперса подтвердилось практикой российских революций 1917 года.

Наиболее близкой традиционному архетипическому массовому сознанию оказались популистские леворадикальные лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!». Большевицкий миф о создании рая на земле покорило широкие народные массы.

В Феврале 1917 года в России была нарушена традиция и предпринята по-

пытка трансформировать цивилизационные основы общественной системы, изменить парадигму её развития. В Октябре 1917 года произошла реставрация традиционализма, и вектор развития страны вновь оказался направленным с Запада на Восток.

Кульминацией кризиса российского общества первой четверти XX века явилась гражданская война. Главная причина внутринационального вооружённого конфликта заключалась в неспособности самой общественной системы конструктивно преодолеть кризис, вызванный попыткой её модернизации. Разнородность постреволюционного российского общества провоцировала борьбу разных подходов в определении путей его дальнейшего развития. Адекватными и изоморфными ментальным установкам общественного сознания были «красная» и «белая» альтернативы партий гражданской войны, ориентирующихся на насилие, принуждение в решении политических проблем, усматривавших зло в либеральной демократии. Левый радикализм и правый консерватизм представляли собой две стороны русского традиционализма. В гражданской войне они столкнулись на общей традиционалистской почве. Их идеологии опирались на структуры традиционной архетипической социально-политической психологии, для которой была характерна потребность в сильной государственной власти и железном порядке, непримиримость с политическими противниками и агрессивность по отношению к ним.

Противоборствующие в гражданской войне политические лагеря оказались неспособными понять культурно-историческую идентичность, оправданность друг друга и мирно соединить духовные идеалы, освящённые глубокими вековыми традициями народа, с социальными идеалами социализма и коммунизма. В условиях массового обнищания народа, распада

прежних социальных связей и атомизации социума фундаменталистско-реставраторские лозунги «белых» вряд ли могли стать привлекательными для основной части населения страны. В то же время идеи социальной справедливости, социального равенства «красных» приносили им политические дивиденды. Фактически большевики создали новое идеологическое поле по старому традиционалистскому образцу, что обеспечило им победу в гражданской войне и в последующем власть на многие десятилетия XX века.

Третья часть российского гражданско-го конфликта первой четверти XX века прорезала, прежде всего, социокультурную сферу общественной жизни. Новый либерально-демократический духовный уклад был решительно противопоставлен культурной традиции. Демократические политические силы не смогли должным образом оценить значимость субъектов реальной социальной структуры и учесть объективную инерцию социальной психологии. Их практические действия не соответствовали объективно сложившимся условиям. Поэтому российский кризис первой четверти XX века, проявившийся в разрушительных революциях и не менее разрушительной гражданской войне, завершился поворотом страны к традиционализму.

Изучение российского общества первой четверти XX века сквозь призму парадигмы социокультурного детерминизма позволяет утверждать, что:

при проведении современной социально-экономической и политической модернизации общества необходимо учитывать национально-культурную специфику России, а не слепо копировать ценности западной цивилизации;

общественные преобразования, осуществляемые посредством дискредитации национальных традиций, подавления глубинных социально-психологических и ментальных импульсов

социальной системы, очень скоро ведут к кризису государственности и распаду общества;

в нынешней ситуации необходимо укреплять государственные институты, повышать их авторитет в обществе. Важно не допустить того, что произошло в России в 1917 году, когда демократическая власть потеряла контроль над обществом, а народ в массе своей отверг идею демократии и стихийно сделал выбор в пользу традиционализма.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Философия истории, историческая наука и современность // Вопросы истории. 1994. – № 6.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
3. Ланщиков А. П., Салуцкий А. С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. – М.: Современник, 1990.
4. Сафонов В. Н. Соотношение форм правления и режимов правления // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1.
5. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
7. Ясперс К. Истоки истории и её цель. – М.: ИНИОН, 1977.

Bibliografickij spisok

1. Ahiezer A. S. Filosofija istorii, istoricheskaja nauka i sovremennost // Voprosy istorii. 1994. – № 6.
2. Berdjaev N. A. Smysl istorii. – M.: Mysl, 1990.
3. Lanshhikov A. P., Saluckij A. S. Krestjanskij vopros vchera i segodnja. – M.: Sovremennik, 1990.
4. Safonov V. N. Sootnoshenie form pravlenija i rezhimov pravlenija // Socialno-politicheskij zhurnal. – 1998. – № 1.
5. Fedotov G. P. Sudba i grehi Rossii: Izbrannye stati po filosofii russkoj istorii i kultury. – SPb.: Sofija, 1991. – T. 1.
6. Jung K. G. Arhetip i simvol. – M.: Renesans, 1991.
7. Jaspers K. Istoki istorii i ejo cel. – M.: INION, 1977.

© Ямциков С. В., 2015